

УДК 784.4:398

О БЫТОВАНИИ «МОЛОЧНОГО НАПЕВА» У ТУВИНЦЕВ БАЯН-УЛЬГИЙСКОГО АЙМАКА МОНГОЛИИ

Л. И. КАРДАШЕВСКАЯ

Арктический государственный институт культуры
и искусств, 677000, Якутск, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ. В данной работе уделяется внимание одной из обрядовых тувинских песен – песне-заклинанию овцы «тэгэ», которая была зафиксирована автором статьи в апреле 2024 года во время экспедиции в сумон Цэнгэл Баян-Ульгийского аймака Монголии, месте проживания этнических тувинцев. Этот напев-заклинание исполняется при отказе овцематки от кормления своего новорождённого ягненка или же чужого, который остался без матери, для принятия детёныша, а также для успокоения овцы во время доения. Автор выполняет музыковедческий анализ напева, делает сравнение тувинско-монгольского заговора с аналогичными традициями у тувинцев Республики Тыва и бурят и, на основе сопоставлений этих родственных этносов, имеющих культурно-исторические контакты, выявляет схожие особенности тембровой, ладовой, мелодической и ритмической организаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: тувинцы, скотоводческий напев, заговор, заклинание, колыбельная песня, звукоряд, мелодия.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Исследование выполнено в рамках Программы развития ФГБОУ ВО «АГИКИ» на 2022–2030 годы, реализуемой по Программе стратегического академического лидерства «Приоритет – 2030. Дальний Восток» (проект «Культурный код: фольклорно-этнографическая экспедиция в Монголию “Золотые нити тюркской культуры”»).

ABOUT THE EXISTENCE OF THE “MILK CHANG” AMONG THE TUVANIANS BAYAN- ULGII AIMAG OF MONGOLIA

L. I. KARDASHEVSKAYA

Arctic State Institute of Culture and Arts, 677000, Yakutsk,
Russian Federation

ABSTRACT. The article pays attention to one of the ritual Tuvan songs – the song-spell of the sheep “tege”, which was recorded by the author of the article in April 2024 during an expedition to Sumon Tsengel Bayan-Ulgian aimag of Mongolia, the place of residence of ethnic Tuvans. This chant-spell is performed when a sheep mother refuses to feed her newborn lamb or a stranger who was left without a mother, to adopt a cub, as well as to calm the sheep during milking. The author performs a musicological analysis of the melody, makes a comparison of the Tuvan-Mongolian conspiracy with similar traditions among the Tuvians of the Republic of Tyva and Buryats and, based on comparisons of these related ethnic groups with cultural and historical contacts, identifies similar features of timbre, fret, melodic and rhythmic organizations.

KEYWORDS: Tuvans, cattle-breeding chant, conspiracy, spell, lullaby, scale, melody.

CONFLICT OF INTERESTS. The author declares the absence of conflict of interests.

The research was carried out within the framework of the Development Program of the Arctic State Institute of Culture and Arts for 2022–2030, implemented under the Strategic Academic Leadership Program «Priority 2030. Far East» (Project Cultural Code: folklore and ethnographic expedition to Mongolia “Golden threads of Turkic culture”).

В музыкально-фольклорных традициях народов Сибири, помимо песен, танцев и инструментальных импровизаций, существуют системы сигналов и звукоподражаний животным, к которым относятся собаководческие, оленеводческие и другие скотоводческие сигналы и звукоподражания. Они исполняются человеком при подманивании домашних животных в хозяйстве, либо исполняются как манки-подзывания диких животных и птиц на охоте. Музыковед Э.Е. Алексеев, говоря об акустических феноменах народов Сибири, писал об определённых «языках» доместикизации – приёмах звуковой терапии по успокаиванию особи и стада, об умении пастуха воздействовать голосом на важенок и оленят, а также его способности управлять стадом через звуковой контакт с вожак. Всё это являлось «звуковыми константами» для северных людей [2, с. 167]. Таким образом, пастух или скотовод выступает не только «руководителем», но и своего рода «психологом» стада. Он своими подражаниями или возгласами может успокоить животное или целое стадо. Причём эти сигналы не несут в себе определённого вербального смысла, это скорее отражение окружающей звуковой среды, имитативная активность для приспособления к ней.

Как верно отмечает этномузыколог Ю.И. Шейкин, звуковые имитации и сигналы «являются редко замечаемой сферой сонорного поведения в интонационной культуре» [22, с. 167]. У народов Южной Сибири, кроме звукоподражаний и сигнального интонирования, учёный выделяет ещё одно «направление общения с животным – это **«молочные напевы»**. Они являются «реликтами традиционной культуры скотоводов Центральной Азии, их исполняют для успокоения коров, верблюдиц, кобыл, овец, коз во время кормления приплода или доения, и эта традиция сохранилась только у теленгитов, горных алтайцев, тувинцев и бурят» [там же, с. 200]. Отметим, что другие исследователи, которые пишут о данной традиции пения для самок домашних животных, именуют её как **«скотоводческие заговоры или заклинания»** [6; 9; 10; 13; 15; 20 и др.]. Н.М. Кондратьева справедливо заключает, что «традиция

скотоводческих заговоров, относящаяся к обрядовой сфере народных культур, широко распространена у тюрков и монголов, населяющих территории Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, Закавказья... и входит в центральную, не подверженную быстрым изменениям, наиболее архаичную область тюркских и монгольских культур» [13, с. 3].

Первым на особенности такого рода скотоводческих напевов у тувинцев обратил внимание исследователь истории и культуры народов Восточной и Южной Сибири Ф.Я. Кон, который в 1902–1903 гг. совершил экспедицию в Туву (в Сойотию) по поручению Северо-Восточного отдела Русского географического общества [18]. Он пишет, что «при кормлении жеребёнка или приучении кобылы к другому детенышу хозяйка «поёт» или «протяжно кричит»: *кр-у-у, кр-у-у-у...* при доении козы «поют или протяжно произносят: *чо-о-о-у-у, чо-о-о-у-у, чо-о-о...* при доении овцы «приговаривают *по-о-о-от, по-о-о-от, па-а-а*» [12, с. 105]. Позже этнограф П.И. Каралькин, который в 1950–1960-е гг. вёл исследовательскую и собирательскую деятельность в районе Тувы – Тоджу, а также в Дзун-Хемчикском кожууне (районе), заметил монотонность мелодии, напеваемой тувинской женщиной при доении коров: *кро-о-о-о, кро-р-о-о-о, кр-р-о-о-о* [11, с. 41]. Он зафиксировал отдельные названия этих обращений: *инек оглер* – успокоение коровы, *инек уврер* – лечение коровы, *пе куруглаар* – успокоение кобылицы, *хой потпа* – успокоение овцы [там же, с. 41–42].

В середине XX века сбором и изучением тувинского музыкального фольклора также занимается музыковед, композитор А.Н. Аксенов, который выполняет нотирование традиционных и современных народных песен тувинцев, образцов народной инструментальной музыки, примеров горлового пения «хомей», скотоводческих напевов, шаманских песнопений и т.д. В частности, в труде «Тувинская народная музыка» он приводит семь нотных образцов мелодических речитаций, исполняемых при обряде приручения животных, в том числе три примера приручения ягненка, распеваемых на слоги «тпро-гат», «тпру-га» [1]. С 1970-х гг. начинает

заниматься изучением истории, этнографии, культуры и искусства своего народа тувинский исследователь З.К. Кыргыс. В книге «Песенная культура тувинского народа» учёный делает этнографическое описание скотоводческого обряда, приводит четыре нотировки заговоров и предлагает дать обобщённое название для всех заговоров животных – *мал алзыры* (приручение животных) [15]. В другом своём труде «Тувинские народные песни и обрядовая поэзия» автор пишет о музыкально-стилистических особенностях тувинских обрядовых песен, в том числе и скотоводческого заговора [16, с. 37]. В последующие годы скотоводческие заговоры тувинцев рассматривают музыковеды Ю.И. Шейкин, В.Ю. Сузукей, Г.Б. Сыченко, Н.М. Кондратьева, А.Д.-Б. Монгуш, Н.А. Лопсан, Е.К. Карелина, А.Х. Кан-оол, Е.Л. Крупич (Тирон) и др.

Ю.И. Шейкин, опираясь на анализ трёх мелодических речитаций по заговариванию овцы из труда А.Н. Аксенова, выделяет в них четыре мелодические формулы и приходит к выводу, что первый образец (пример 1)¹ сопряжён с шаманской и сказительской практиками, подтверждая тем самым высказывания автора и его информанта о том, что к подобному монотонному типу мелодического речитирования прибегали в прошлом и тувинские шаманы [22, с. 200–201; 1, с. 22]. Но в то же время, на наш взгляд, к отдельным хазматоническим ходам с пунктирным ритмом никак нельзя применять термин «монотонность». Остальные же напевы, по мнению Ю.И. Шейкина, связаны с колыбельными *опейлээр* [22, с. 201]. Рассмотрим эти речитации подробнее.

Так, в примере 1 обращает на себя внимание широкий амбитус напева, составляющий октаву и нисходящие глиссандо с охватом от кварты до сексты, а также пунктирный ритм. Если посмотреть на нотные образцы напевов тувинских шаманов, приведённых в книге А.Н. Аксенова, то нисходящее глиссандирование можно отметить только в тоджинском варианте напева (в середине и в заключении мелодической речитации) [1, с. 23].

¹ Первый образец является завершением речитации по приручению ягненка, записанной А.Н. Аксеновым в 1956г. от В.Кок-оола. Ю.И. Шейкин вынес нисходящие глиссандирующие мелодические ходы, нехарактерные для основного напева, в отдельный пример, записав их на высоте «соль».

Пример 1. Каденция напева по приручению ягненка.
Зап. А. Аксеновым от В. Кок-оола в 1956 году [22, с.550; 1, с. 20].

Остальные три образца шаманских напевов у А.Н. Аксенова обнаруживают тремолирование на б.2 и м.3 в течение и в окончании напева, либо только в завершении примера без широких скачков в мелодии и «скольжения», что сближает их с жанром колыбельных. Исследователь тувинской музыки указывает, что сходство речитаций-заговоров с колыбельными прослеживается в монотонности речитирования, а также «чередующегося с ним тремолирования (на большой секунде и на малой терции) в конце каждой фразы» [там же, с. 22]. К тому же со слов его информантов «издали не отличишь: баюкают ли ребенка, или приручают ягнёнка, козлёнка, или телёнка к чужой матке» [там же, с. 20]. Здесь нужно подчеркнуть, что информант исполнял напевы шаманских камланий, «давно исчезнувших из быта». Несомненно, в данных напевах присутствуют некоторые черты, характерные для заговоров и колыбельных, но можно ли полностью утверждать о сходстве заговоров животных с шаманскими напевами и колыбельными? Этот вопрос ещё предстоит изучить.

Следующие примеры скотоводческих заговоров в труде А.Н. Аксенова подтверждают их связь с мелодическим рисунком тувинских колыбельных [1, с. 20–21] (примеры 2–4).

Все эти напевы содержат в мелодии тремолирование на м.3. Возвратное движение от одного устоя к другому придаёт покачивание, характерное для жанра колыбельных. Отметим, что данные образцы речитаций построены на ангемитонных звукорядах трихорда в кварте (м.3, б.2) и тетрахорда в квинте (м.3, б.2, б.2). О том, что пентатоника лежит в основе большинства тувинских песен, пишут многие

Пример 2. Напев для приручения ягненка. Зап. А. Аксеновым от А. Чимба в 1948 году [1, с. 21]

Пример 3. Напев для приручения ягненка. Зап. А. Аксеновым от С. Сарыг-оола в 1945 году [1, с. 21]

Пример 4. Напев по приручению ягненка. Зап. А. Аксеновым от В. Кок-оола в 1956 году [1, с. 20]

исследователи [1; 4; 15; 17]. Далее мы убедимся в преобладании этого лада и в заговорах животных.

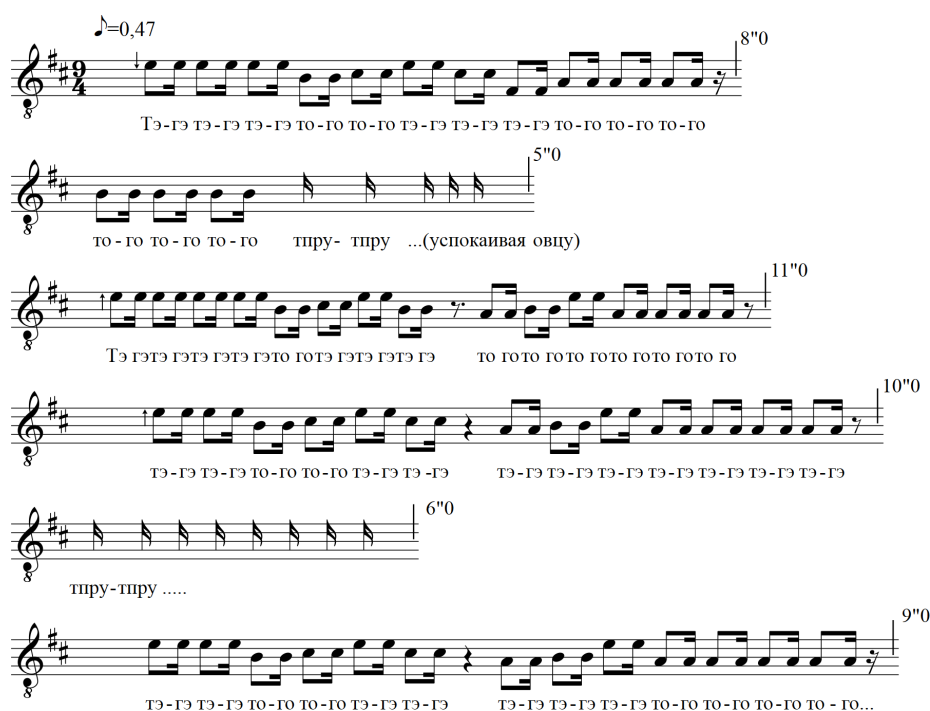
В апреле 2024 года преподаватели и студенты Арктического государственного института культуры и искусств (г. Якутск) совершили экспедицию к тувинцам, проживающим в сумоне Цэнгэл Баян-Ульгийского аймака Монголии². Одной из задач научной поездки являлась фиксация и анализ образцов музыкального фольклора.

Сумон Цэнгэл относится к Баян-Улэгэйскому аймаку Монголии и примыкает к Монгун-Тайгинскому

кожууну Республики Тува. «В настоящее время в с. Цэнгэл проживают 1740 тувинцев (435 семей), 8700 казахов и 6 монголов... Многие тувинцы, живущие в Цэнгэле, утверждают, что раньше, когда ещё не было установлено государственных границ между Тувой, т.е. Россией и Монголией, их земли считались частью тувинской территории. Установление границ между двумя странами привело к тому, что они оказались на монгольской территории» [17, с. 27, 29]³. Тувинцы сумона свободно говорят на тувинском, монгольском и казахском языках. Многие в культуре перенято ими от монголов и ка-

² Состав экспедиционной группы: О.Д. Коврова, Л.И. Кардашевская, Н.Е. Уаров, О. Нямжав.

³ Всего в Монголии проживает около 20 тысяч тувинцев.

Пример 5. Напев по приручению ягненка «тэгэ». Первый раздел напева.
Записан Л.Кардашевской от Б.Попаа в с. Цэнгэл Баян-Ульгийского аймака Монголии

захов, но в то же время они сумели сохранить и собственные традиции, несмотря на изолированность и удалённость от городов. Во многом, конечно, этому способствовали налаженные дружеские связи жителей с. Цэнгэл и российских тувинцев, начатые ещё в 1950–60-х гг.

В ходе экспедиции, помимо образцов устного народного творчества, народных и авторских песен, нам удалось зафиксировать скотоводческий заговор «тэгу», исполненный Батай Попаа на животноводческой ферме у чабана Начык Тогтоххуу, в 40 км от с. Цэнгэл (рисунок 1) [23]. Этот заговор сочетает в себе два тембровых стиля – распевание слогов «тэгу-того» (пример 5) и напевание «фыркающих» звуков (пример 9), таким образом, напев делится на две части. Информант чередует оба стиля два раза, тем самым создавая некую репризность. По сведениям тувинцев с. Цэнгэл, к такому специальному напеву «тэгу~тэгу» прибегают в том случае, когда животное после окота не признаёт свое потомство [там же].

Рисунок 1. Тувинка Батай Попаа исполняет напев для принятия (кормления) овцой ягнёнка. Личный архив автора

Пример 8. Фрагмент призывания тэнгрия. Зап. Д.С. Дугаровым от шамана В.Ц. Балданова в селе Орлик Окинского района Бурятии в 1963 году [9]

Пример 9. Напев по приучению ягненка «тэгэ». Второй раздел напева, исполняется на звуки «тпру-тпру». Записан Л.Кардашевской от Б.Попаа в с. Цэнгэл Баян-Ульгийского аймака Монголии

из с. Ширинга Еравнинского района Республики Бурятия, пример 6) звукоряд составляет гемитонный тетрахорд в квинте (м.3, б.2, м.2). Нисходящее скачкообразное движение мелодии на терцию и кварту в окончаниях попевок напоминает мелодику тувинского заговора в исполнении Б.Попаа (*нотировка Л.И. Кардашевской*).

Другой бурятский образец *тээгэ* (пример 7) также близок тувинскому «молочному» напеву по следующим признакам: 1) оstinatность синкопированного ритма в течение всего заговора; 2) движение каждой фразы мелодизированного речитатива с самой высокой ноты; 3) все мелодические построения заговора начинаются с нисходящего скачка на кварту; 4) инициальный и заключительный звуки в мелодических фразах образуют интервал квинты. Звукоряд напева – гемитонный (б.2, б.2, м.2, б.2, б.2) (*нотировка Л.И. Кардашевской*).

Принимая во внимание замечание А.Н. Аксенова о сходстве тувинских заговоров животных с шаманскими песнями, сравним напев «*тээгэ-того*» с бурятским шаманским напевом и приведём фраг-

мент призывания тэнгрия (пример 8)⁴, записанного Д.С. Дугаровым в 1963 г. в селе Орлик Окинского района Бурятии от шамана В.Ц. Балданова и позже нотированным Л.Д. Дашиевой [5, с. 191].

Данный образец бурятского обрядового призывания (звукоряд – м.2, б.2, б.2, тетрахорд в кварте) имеет следующие общие черты с заклинанием овцы тувинцев Монголии: оstinато нижнего устоя (fis) в конце мелодических построений, нисходящие скачки на кварту, инициальный звук в построениях – самый высокий в звукоряде. Несмотря на то, что в звукоряде обнаруживается полутоновый ход, по ходу напева он не пропевается. Пример шаманского призывания основан на ходах б.2, м.3, ч. 4.

Следующая часть тувинского напева-заклинания исполняется информантом на «фыркающие» звуки «*тпру-тпру*», она также имеет индивидуальную мелодическую схему (пример 9).

Здесь обнаруживается развитая мелодика ши-

⁴ Тэнгри́й – дух-небожитель, входящий в пантеон древней религии монгольских народов [21, с. 53].

Пример 10. Заговор овцы *хой алзыр / тоотпа* в исполнении Л.Х. Ооржак из с. Суг-Аксы Сут-Хольского района Республики Тыва [14]

Пример 11. Заговор овцы *тоотпалаар* в исполнении Ш. Н.-С. Ондар из с. Кызыл-Тайга Сут-Хольского района Республики Тыва [14]

рокого октавного объёма, многочисленные восходящие и нисходящие скачки в мелодии (на кварту, квинту, сексту). Звукоряд напева – ангемитонный тетрахорд в квинте (б.2, б.2, м.3) (*нотировка Л.И. Кардашевской*).

«Такой фыркающий зовущий возглас и сейчас бытует среди бурят и монголов. Его трудно передать при помощи букв. Он звучит приблизительно “тпройэ”, “тпройэ” и образуется при крупной вибрации губ, вследствие резкого выталкивания струи воздуха через сомкнутые губы», – пишет Д.С. Дугаров [9, с. 72]. Музыковед Н.С. Кондратьева в статье о скотоводческих заговорах сут-хольских тувинцев, касаясь этого звукоизвлечения, отмечает: «Заговоры овцы исполняются со словом *фо*го/ *фо*агэ/ *фо*, которое включает губной вибрант *ψ*, не входящий в систему языка, но использующийся в традиционных сигналах (в русской культуре он задействован в сигнале для остановки лошади)» [14].

В аудиозаписях к статье Н.С. Кондратьевой содержатся два образца заговоров овцы (примеры 10 и 11), где губной вибрант выражен не так ярко, как в примере у монгольских тувинцев, либо вовсе не присутствует, и их можно записать как «того-тайгэ», «тото-того» (первый образец – заговор *хой алзыр/тоотпа* в исполнении Л.Х. Ооржак из с. Суг-Аксы Сут-Хольского района Республики Тыва, второй *тоотпалаар* продемонстрирован Ш.Н.-С. Ондар из с. Кызыл-Тайга того же района) [там же, *нотировка Л.И. Кардашевской*].

В обоих примерах звукоряды ангемитонные – составляют тетрахорд в квинте (м.3, б.2, б.2) и тетрахорд в кварте (б.2, б.2, б.2). Ярким отличающим признаком данных заговоров является «дрожание

голоса», напоминающее кылысах⁵ у саха. Заговоры сут-хольских тувинцев имеют следующие общие черты с заклинанием овцы тувинцев Монголии: повторение нижнего устоя в конце каждого такта (у тувинцев Монголии в завершении мелодических построений), звук-зачин и там, и там является высокой позицией звукоряда.

Таким образом, из всего вышесказанного можно предположить, что тувинцы Монголии смогли сохранить признаки древней тувинской традиции скотоводческих заклинаний животных, в то же время некоторые черты были, по-видимому, переняты из восточно-бурятской традиции (возможно и от халха-монголов, населяющих большую часть Монголии).

Особенности тувинской традиции речитаций, сопровождающих скотоводческий обряд, в зафиксированном нами «молочном напеве» у тувинцев Монголии проявлены в следующих признаках: 1) подчёркивание нижнего устоя в конце мелодических построений, где каденционная формула тремолирования заменена в напеве тувинцев Монголии на повторение нижнего устоя; 2) в основе звуковысотной организации напева лежит ангемитонный тетрахорд в квинте, что сближает его с жанром *ыр* тувинцев, звуковысотная система которого также основана на ангемитонной пентатонике.

Признаки бурятской традиции скотоводческих заговоров животных в напеве-заговоре тувинцев

⁵ Кылысах (якут.) – «характерные фальцетные призывки – кылысахи, которые обычно составляют как бы своеобразный, украшающий “контрапункт” к звучанию главной мелодической линии...» [3, с. 5].

Монголии отмечаются нами в следующем:

1. Пропевание в обеих культурах звуко-символических слов *«тэгу-того»*;
2. Характерная остринатность синкопированного ритма в течение всего заговора;
3. Начало каждой фразы с самого верхнего звука мелодизированной речитации;
4. Инициальный мелодический ход – нисходящий квартовый скачок;
5. Начальный и финальный звуки в музыкальных построениях образуют интервал квинты.

Вышеуказанные схожие признаки можно объяснить генетическим родством культур и культурно-историческими контактами этносов.

В данной статье произведена лишь попытка обнаружения сходства и различий одного «молочного напева», бытующего у тувинцев Монголии с такого же рода обрядовыми скотоводческими напевами-заговорами Республики Тыва и восточных бурят. Принимая во внимание многочисленные локальные особенности тувинской культуры, многообразие диалектов (центральный, западный, северо-восточный, южно-восточный) и учитывая родственные связи тувинцев с другими культурами (тофалары, сойоты, тувинцы-мончак, цаатаны, проживающие в Монголии, тувинцы Китая), необ-

ходимо изучить все региональные традиции скотоводческих заговоров, в том числе и монгольские, что представляет в настоящее время затруднение. Дело в том, что в центр внимания русскоязычных музыковедческих работ, посвященных монгольским песням, ставится прежде всего протяжная песня. Сами монголы, касаясь заклинаний животных, акцентируют внимание на напеве «хөөс-хөөс», который является частью традиционного монгольского обряда по задабриванию верблюдиц (привязыванию (приручению) верблюдицы к верблюжонку) и входит в число объектов нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. «Хөөс-хөөс» – достаточно продолжительный напев (около шести минут), поддерживаемый игрой на традиционном струнном инструменте моринхуре, имеет очень выразительную пластичную мелодию широкого дыхания со множеством орнаментированных распевов слова «хөөс». Также перспективным ракурсом исследования будет рассмотрение скотоводческих напевов тувинцев Монголии в сравнении с заговорами животных у телеутов – малочисленного тюркского народа Южной Сибири, которому удалось сохранить многие свои традиции, сберечь различные жанры фольклора и обряды [8].

ЛИТЕРАТУРА

- 1/ Аксенов А.К. Тувинская народная музыка / Под ред. и с предисл. Е.В. Гилпиуса. М.: Музыка, 1964. 254 с.
- 2/ Алексеев Э.Е. Прагматическое, игровое, ритуальное в звукоподражаниях народов Севера Сибири // Голос и ритуал. Материалы конференции / Фольклорная комиссия Союза композиторов России. Государственный институт искусствознания. М.: ГИИ, 1995. С. 33–35.
- 3/ Алексеев Э.Е., Николаева Н.Н. Образцы якутского песенного фольклора. Якутск: Кн. изд-во, 1981. 100 с.
- 4/ Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки / отв. ред. Л.П. Потапов. М.:

Изд-во вост. лит., 1961. 216 с.

- 5/ Дашиева Л.Д., Миягашева С.Б. Культ тэнгриев бурят в архивных материалах центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 45. С. 184–194.
- 6/ Дашиева Л.Д. Обрядовые песни бурят тээгэ дуун // Народная культура Сибири и Дальнего Востока: материалы VI науч.-практ. семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Новосибирск, 1997. С. 112–113.

- 7/ Дашиева Л.Д. Традиционная музыкальная культура бурят: учебно-методическое пособие. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2005. 188 с.
- 8/ Добжанская О.Э., Крашенинникова Ю.А. Изучение нематериального этнокультурного достояния тюрков Южной Сибири: экспедиция к бачатским телеутам Кемеровской области – Кузбасса // Живая старина. 2024. № 1 (121). С. 55–59.
- 9/ Дугаров Д.С. Песенное заклинание овцы «тээгэ» // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (16). С. 69–72.
- 10/ Кан-оол А.Х. Скотоводческие заговоры в традиционной культуре тувинцев Эрзинского кожууна // Вестн. Вост.-Сиб. гос. академии культуры и искусства. 2012. № 1 (2). С. 31–35.
- 11/ Каралькин П.И. О древнейшем способе доения скота у кочевников-скотоводов (по материалам Алтая и Тувы) // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1978. С. 37–50.
- 12/ Кон, Ф.Я. За пятьдесят лет. Кн. III. [Экспедиция в Сойотию]. М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934, 296 с.
- 13/ Кондратьева Н.М. Скотоводческие заговоры теленгитов: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Новосибирск, 1996. 20 с.
- 14/ Кондратьева Н.М. Скотоводческие заговоры сут-хольских тувинцев [Электронный ресурс] // России Культура. РФ: Портал культурного наследия / Министерство культуры РФ. 2017. URL: <http://www.culture.ru/objects/390> (дата обращения 19.07.2024).
- 15/ Кыргыз З.К. Песенная культура тувинского народа. Кызыл: Тув. книж. изд., 1992. 144 с.
- 16/ Кыргыз З.К. Тувинские народные песни и обрядовая поэзия. Новосибирск: Сибирская горница, 2015. 432 с.
- 17/ Монгуш М.В. У тувинцев Цэнгэла // Новые исследования Тувы. 2013. № 2. С. 26–43.
- 18/ Неганова Г.Д., Ганцовская Н.С. Феликс Яковлевич Кон: хронология Засаянской экспедиции // Новые исследования Тувы. 2019. № 4. С. 216–226.
- 19/ Новикова О.В. Скотоводческие заговоры восточных бурят [Электронный ресурс] // России Культура. РФ: Портал культурного наследия / Министерство культуры РФ. 2017. URL: <https://www.culture.ru/objects/388> (дата обращения 19.07.2024).
- 20/ Тирон Е.Л. Песни тувинцев-тодзинцев: жанры ыр и кожамык в конце XX столетия. Новосибирск: Наука,

2018. 248 с.

21/ Урбанаева И.С. Шаманская философия бурят-монголов: центральноазиатское тэнгрианство в свете духовных учений. Ч. 2. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2000. 203 с.

22/ Шейкин Ю.И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. М.: Вост. лит., 2002. 718 с.

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

23/ ПМ Кардашевской 2024. – Полевые материалы Л.И. Кардашевской. Тувинцы. Апрель 2024 г. Запись фольклорных исполнителей в с. Цэнгэл Баян-Ульгийского аймака Монголии в рамках Программы стратегического академического лидерства «Приоритет – 2030. Дальний Восток», в целях выполнения проекта АГИКИ «Культурный код: фольклорно-этнографическая экспедиция в Монголию «Золотые нити тюркской культуры» под руководством О.Д. Ковровой при участии студентов Н.Е. Уварова и О.Нямжав.

REFERENCES

- 1/ Aksenov, A.K. (1964), Tuvinskaya narodnaya muzyka [Tuvan folk music], Muzyka, Moscow, 254 p. (In Russ.)
- 2/ Alekseev, E.E. (1995), "Pragmatic, playful, ritual in onomatopoeia of the peoples of the North of Siberia", Voice and Ritual. Materials of the conference, Folklore Commission of the Union of Composers of Russia, State Institute of Art Studies, Moscow, pp. 33–35. (In Russ.)
- 3/ Alekseev, E.E., Nikolaeva, N.N. (1981), Obrazy yakutskogo pesennogo folklora [Samples of Yakut song folklore], Kn. izd-vo, Yakutsk, 100 p. (In Russ.)
- 4/ Vajnshtejn, S.I. (1961), Tuvincy-todzhincy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Tuvans are Todzhin people. Historical and ethnographic essays], Izd-vo vost.lit, Moscow, 216 p. (In Russ.)
- 5/ Dashieva, L.D., Miyagasheva, S.B. (2022), "The cult of the Tangriev Buryats in archival materials of the Center for Oriental Manuscripts and woodcuts of the IMBT SB RAS", Bulletin of the Tomsk State University. Cultural studies and art history, no. 45, pp. 184–194. (In Russ.)
- 6/ Dashieva, L.D. (1997), "Ceremonial songs of the Buryats esege down", Folk culture of Siberia and the Far East: materials of the VI scientific and practical seminar of the Siberian Regional University Center for Folklore, Novosibirsk, pp. 112–113. (In Russ.)
- 7/ Dashieva, L.D. (2005), Tradicionnaya muzykalnaya kul-

tura buryat: uchebno-metodicheskoe posobie [The traditional musical culture of the Buryats], Respublikanskaya tipografiya, Ulan-Ude, 188 p. (In Russ.)

8/ Dobzhanskaya, O.E., Krashenninnikova, Yu.A. (2024), "The study of the intangible ethnocultural heritage of the Turks of Southern Siberia: an expedition to the teleouts from the Bachat River of the Kemerovo region – Kuzbass", Zhivaya starina, No. 1 (121), pp. 55–59. (In Russ.)

9/ Dugarov, D.S. (2012), "The song spell of the sheep "teege"", Philological sciences. Questions of theory and practice, Gramota, Tambov, No. 5 (16), pp. 69–72. (In Russ.)

10/ Kan-ool, A.H. (2012), "Cattle breeding conspiracies in the traditional culture of Tuvinians of the Erzin Kozhuun", Bulletin of the East Siberian State Academy of Culture and Art, No. 1 (2), pp. 31–35. (In Russ.)

11/ Karalkin, P.I. (1978), "On the ancient method of milking cattle among nomadic pastoralists (based on the materials of Altai and Tuva)", Ethnography of the peoples of Altai and Western Siberia, Nauka, Novosibirsk, pp. 37–50. (In Russ.)

12/ Kon, F.Ya. (1934), Za pyatdesyatlet (Ekspeditsiya v Sojotiyu) [For fifty years (Expedition to Soyotia)]. Book III, Vsesoyuznoe obshchestvo politkatorzhan i ssylno-poselencev, Moscow, 296 p. (In Russ.)

13/ Kondrateva, N.M. (1996), Skotovodcheskie zagovory telengitov [Cattle breeding plots of the Telengites. Extended abstract of candidate's thesis], Abstract of Cand. Sc. Thesis, Novosibirsk, 20 p. (In Russ.)

14/ Kondratieva, N.M. (2017), "Cattle-breeding conspiracies of the Siberian Tuvinians", Available at: <http://www.culture.ru/objects/390> (Accessed 19 July 2024). (In Russ.)

15/ Kyrgys, Z.K. (1992), Pesennaya kultura tuvinskogo naroda [Song culture of the Tuvan people], Tuvan Book Publishing House, Kyzyl, 144 p. (In Russ.)

16/ Kyrgys, Z.K. (2015), Tuvinskie narodnye pesni i obryadovaya poeziya [Tuvan folk songs and ritual poetry], Sibirskaya gornica, Novosibirsk, 432 p. (In Russ.)

17/ Mongush, M.V. (2013), "At Tuvinians Tsengela", New studies of Tuva, No. 2, pp. 26–43. (In Russ.)

18/ Neganova, G.D., Gantsovskaya, N.S. (2019), "Felix Yakovlevich Kon: chronology of the Zasayan expedition", New studies of Tuva, No. 4, pp. 216–226.

19/ Novikova, O.V. (2017), "Cattle breeding conspiracies of the eastern Buryats", Available at: <https://www.culture.ru/objects/388> (Accessed 19 July 2024). (In Russ.)

20/ Tiron, E.L. (2018), Pesni tuvincev-todzhincev: zhanry i kozhamyk v konce XX stoletiya [Songs of Tuvan-Todzhin people: genres of yr and kozhamyk at the end of the XX century], Nauka Novosibirsk, 248 p. (In Russ.)

21/ Urbanaeva, I.S. (2000), Shamanskaya filosofiya buryat-mongolov: centralnoaziatskoe tengrianstvo v svete duhovnyh uchenij [Shamanic Philosophy of the Buryat Mongols: Central Asian Tengrianism in the light of spiritual teachings], Part 2, Ulan-Ude, 203 p. (In Russ.)

22/ Shejkin, Yu.I. (2002), Istoriya muzykalnoj kultury narodov Sibiri: Sravnitelno-istoricheskoe issledovanie [The history of the musical culture of the peoples of Siberia: Comparative historical research], Vost. lit., Moscow, 718 p. (In Russ.)

FIELD MATERIALS

23/ Field materials of L.I. Kardashevskaya. Tuvans. April 2024, Recording of folklore performers in the village of Tsengel Bayan-Ulgii aimag of Mongolia within the framework of the Strategic Academic Leadership Program "Priority 2030. The Far East", in order to implement the AGICA project "Cultural Code: folklore and ethnographic expedition to Mongolia "Golden Threads of Turkic culture" under the leadership of O.D. Kovrova with the participation of students N.E. Uvarov and O. Nyamzhav.

Сведения об авторе

Кардашевская Лия Ивановна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры искусствоведения, Арктический государственный институт культуры и искусств
E-mail: kardmike@mail.ru

Author information

Liya I. Kardashevskaya, Cand. Sc. (Art Criticism), Associate Professor of the Department of Art History, Arctic State Institute of Culture and Arts
E-mail: kardmike@mail.ru